

Утренний выпуск:

Объявления за строку петита издания. с 10 место: въ Латви въ текстъ 1 Л. 40 с. (70 р.), предл. труда 14 с. (7 р.), поздрав. текста 34 с. (17 р.) + 5% гор. налога. Для заграничных 10 амер. цент. за строку.

Ред.: Рига, Мельничная 57 (уг. Церк.) Тел.: ред. — 21219, гор. дрон. — 21733 и 21334, почт. реланд. — 21334. Главная контора и экспедиция Рига, Мельничная ул. 57. Тел. конторы 21030, телеф. рекламного отдела 21225.

СЕГОДНЯ

№ 53.

ВЫХОДИТЬ УТРОМЪ И ВЕЧЕРОМЪ.

13-й г. изд.

Воскресенье,

22 февраля 1931 года.

Цена номера въ Латви 10 цент. (10 р.) въ Литве за оба нзд. 80 цент. Подписная плата на „Сегодня“ въ мѣсяць 138 7 номер. въ недѣлю: въ Латви 3 Л. 75 цент. заграничной 5 Л. 20 цент. или 1 амер. долларъ. Подп. пл. на „Сегодня“ и „Сегодня Вечеромъ“ (13 ном. въ нед.): въ Латви Л. 6.—, загр. 8 Л. 50 с. или 1.70 америк. долл.

„Слава въ прихотяхъ вольна“.

Быть я какъ-то въ парижскомъ Пантеонѣ и видѣлъ мраморную доску, на которой начертаны имена самыхъ прославленныхъ французозъ. Но, къ своему удивленію, въ длиннѣйшемъ спискѣ этихъ знаменитостей я едва нашелъ пять-шесть именъ, которые были мнѣ извѣстны и кое-что говорила моему уму и сердцу. Все остальное — сплошные незнакомцы.

Я объяснилъ дѣло моимъ негѣжествомъ и спрашивалъ людей, болѣе меня компетентныхъ (изъ русскихъ), но и они знали не больше моего.

Спрашивалъ я и у французозъ, но они знали меньше, а одинъ, очень веселый парижанинъ, сознался даже, что онъ (какъ это ни странно!) никогда въ Пантеонѣ не былъ...

Въ другой разъ я былъ въ Ватиканѣ и забрелъ въ ту комнату исполненнаго музея, гдѣ были собраны бюсты великихъ людей... И опять та же грустная исторія. Изъ десяти «великихъ» я узнавалъ едва одного, даже меньше, такъ что изъ комнаты «великихъ» незнакомцевъ» я ушелъ совсѣмъ приотыженный.

— Вотъ оно наше университетское образование, — думалось мнѣ. — Люди жили, прославились, сдѣлались «безсмертными», а ты ходишь и смотришь на ихъ бюсты, какъ баранъ на воду!

Но теперь я на этотъ счетъ думаю иначе, совсѣмъ иначе... Теперь я знаю, что «безсмертія» бываютъ разныя. Одного «безсмертія» хватаетъ на 5-6 лѣтъ послѣ похоронъ. Другое отбрасываетъ тѣнь на 25, даже на 50 лѣтъ. И только очень рѣдко имя человека живетъ сотни лѣтъ. Лишь въ видѣ исключенія отлѣкаются имена за-

поминаются на тысячу и двѣ тысячи лѣтъ.

«Слава въ прихотяхъ вольна»... И нѣтъ въ этой области никакой «справедливости»...

— Скажите, вы помните, кто изобрѣлъ хлороформъ и тѣмъ избавилъ все человѣчество отъ адскихъ мукъ операционной комнаты? Я увѣренъ, что вы не помните или забыли. (Скажу вамъ по секрету, что и я забылъ. Зналъ, да забылъ).

— А какъ звали того, — во истину гениальнаго человека, который выдумалъ арабскія цифры, девять знаковъ съ помощью которыхъ можно изобразить какое угодно число?

— То-то, что именно его и не знали никогда, не сохраняли въ памяти потомки. Говорятъ, «какой-то» финляндинъ былъ...

Вообще, память человѣческая неблагодарна и капризна. И никакія пантеонскія доски тутъ не помогаютъ. Возьмите, напримѣръ, хотя бы славу писателей. (Я не говорю ужъ о мимолетной славіи артистовъ, которые не переживаютъ своего поколѣнія). Какъ много здѣсь случайнаго, неожиданнаго, эфемернаго, а подчасъ даже злого.

Достоевскій, чѣмъ дальше уходитъ отъ насъ въглубь прошлаго, тѣмъ больше растетъ. И трудно даже сказать, до какихъ предѣловъ онъ вырастетъ. Нѣтъ конца этому человеку, который среди десятка — другого мировыхъ именъ, лишь занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ.

А Тургеневъ забыли. Гимназистки читаютъ «для самообразования»...

И Некрасова почти забыли...

И Н. К. Михайловскаго, вѣстителя

думъ цѣлаго поколѣнія, рѣшительно забыли. На другой день послѣ смерти.

И Глѣбовъ Успенскій, даровитѣйшій писатель — правдолюбецъ, ушелъ куда-то въ преисподнюю читательской памяти. Уходитъ на десятый планъ и Салтыковъ.

А вотъ Лѣсковъ ожилъ и получилъ только посмертное признание.

И Тютчевъ ожилъ и сталъ популяренъ.

И Фета нынче любить.

Отчего такая разнородность, такая «перепутаница», какъ говорилъ одинъ провинціалъ? Однимъ смерть идетъ «на пользу», — другихъ, какъ губкой съ доски, стираетъ въ памяти людей? Общихъ правилъ тутъ, конечно, нѣтъ и дѣло рѣшается отнюдь не дарованіемъ писателя и далеко не размѣрами этого дарованія.

Развѣ Тургеневъ, по таланту, былъ меньше Лѣскова? А вѣдь Лѣсковъ сейчасъ читаютъ куда больше.

И развѣ Салтыковъ былъ менѣе даровитъ, чѣмъ Чеховъ? А вѣдь Чеховъ, послѣ смерти, только растетъ (особенно у иностранцевъ), а Салтыковъ забывается.

Я думаю, что въ посмертной славіи писателей (я говорю о русскихъ писателяхъ), не послѣднюю роль играетъ вопросъ: насколько близко подходить писатель къ современной ему «злоти» днѣ. Чѣмъ дальше отъ злоти, тѣмъ долговѣчѣе писатель. И наоборотъ.

Тургеневъ зарисовывалъ культурныя поколѣнія русскихъ людей. Писалъ почти на «злоту днѣ». Лишніе люди. Рудины, Базаровы. Каждый сюжетъ срокомъ на десять лѣтъ, человѣческой памяти. Но лишніе люди прошли, Рудины сгинули и Базаровы отшумѣли какъ весенніе дожди. Для нынѣшняго поколѣнія — все это дѣдушки. Картина галлерей гдѣхушекъ и прагдѣхушекъ. Но кто же проводить свою молодую жизнь въ портретной галлерей предковъ?

Изумительно рисовалъ старыхъ губернаторовъ Салтыковъ. Но губернаторы Николаевской эпохи такъ же далеки отъ нынѣшняго времени, какъ екатерининскіе «повытки».

И читатель говоритъ:

— Это очень хорошо, словъ нѣтъ, но это скучно. Въ библиотекахъ, т. е. на кладбищѣ человѣческой мысли, это, конечно, должно занимать почетное, даже очень почетное мѣсто. Но сейчасъ — воля ваша, черезъ «Губернскіе очерки» на перепрыгнешь...

А вотъ Пушкина читаютъ все больше и больше. При жизни его аудиторія исчислялась десятками тысячъ читателей. Сейчасъ она исчисляется миллионами. А въ слѣдующемъ поколѣніи дойдетъ и до десятковъ миллионозъ.

И Достоевскому читатель проститъ прикосновеніе къ злоту днѣ («Бѣсы») и увидѣлъ здѣсь огненное озареніе и предсказаніе будущаго.

Одно не подлежитъ сомнѣнію, что ошибки критиковъ, ихъ пристрастіе, несправедливость и даже грубое непониманіе почти не отражаются на посмертной судьбѣ писателей.

Трудно безъ смѣха читать отзывы довольно популярнаго въ свое время критика Скабичевскаго о Л. Н. Толстомъ.

Скабичевскій называлъ Толстого «рѣшительнымъ утюгомъ» и предсказывалъ что Толстой умретъ «подъ сабокомъ». Анну Каренину Скабичевскій называлъ «петербургской чиновницей» и ставилъ ей въ вину, что она полубила офицернику Вронскаго, вмѣсто того чтобы отдать свое сердце настоящему человеку, «отъ котораго пахнетъ трудовымъ потомъ».

Не помѣшала критика и Лѣскову. При жизни она отравляла ему существованіе. Она поссорила его со всѣмъ читающимъ обществомъ и сдѣлала изъ него «мракобѣса». Но слѣдующія поко-

лѣнія забыли критиковъ, а Лѣсковъ вотъ не забыли.

Даже такой талантливый человекъ, какъ Н. К. Михайловскій, не могъ помѣшать Чехову сдѣлаться любимѣйшимъ русскимъ писателемъ. А очень хотѣлъ. Михайловскій не отрицалъ таланта Чехова, но именно о Чеховѣ онъ презрительно говорилъ:

— Талантъ — это все равно, что бутылка. Ее можно наполнить и драгоценнымъ виномъ и жиденькимъ квасомъ...»

На первомъ мѣстѣ для Михайловскаго встала стояла «направленіе» писателя. И столько было «святого непониманія», обидъ и даже драмъ изъ за этого «направленія».

Но судьба жестоко отомстила за это незаконное требованіе представляемое къ писателямъ. Именно тѣ, кого при жизни превозносили за «хорошее направленіе», были забыты въ первую очередь. Какъ топоры, въ воду канули.

Ужъ на что съ направленіемъ были люди — Златовратскій, Засодимскій, Рѣшетиновъ и пр., а что отъ нихъ осталось?

За «направленіе», впрочемъ много доставалось и Пушкину. Талантливѣйшій молодой пѣтушокъ Писаревъ совсѣмъ было «заклевалъ» Пушкина за востѣя поэтомъ ножки Терпсихоры. Но уже въ слѣдующемъ поколѣніи Писаревъ выпадалъ только улыбку...

АЛЕКСАНДРЪ ЯБЛОНОВСКІЙ.

*) Цитирую на память.